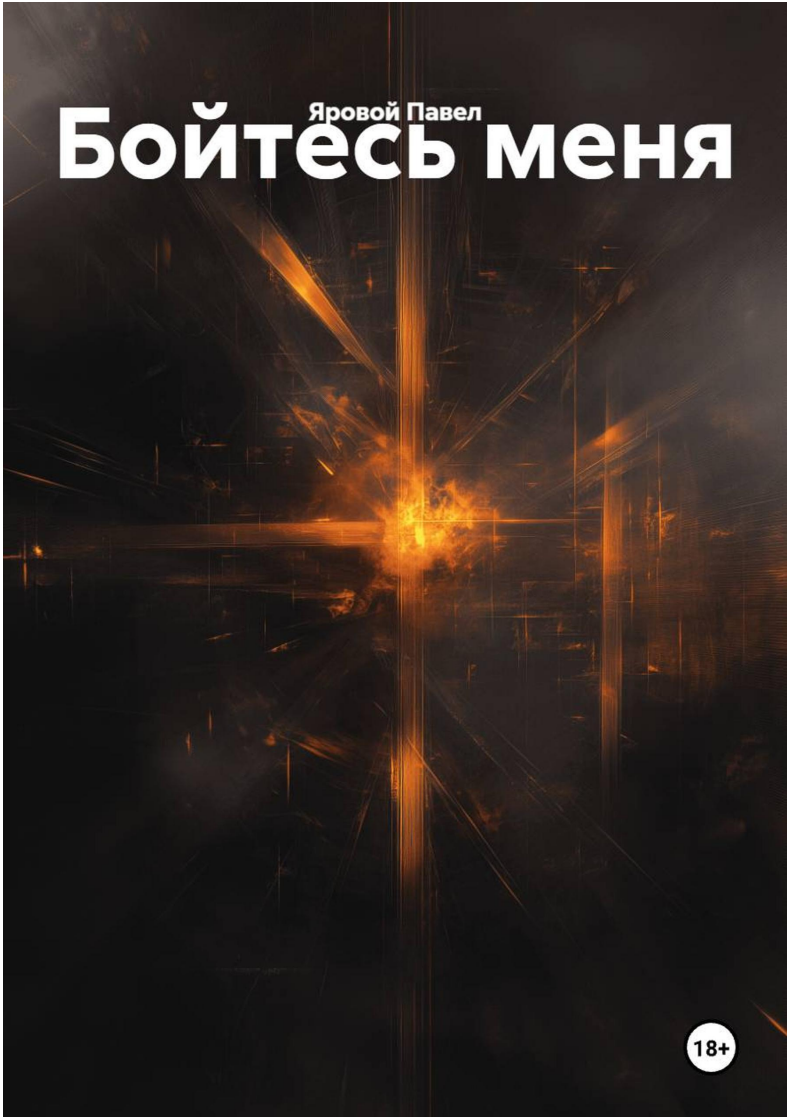

Яровой Павел
Бойтесь меня
18+

Яровой Павел

Бойтесь меня

https://litres.ru/74858232
SelfPub; 2026

Аннотация

Группа незнакомцев прячется в старом доме посреди бескрайнего поля. Они не помнят своих имён, прошлого и даже того, как оказались здесь. Единственное, что им известно, — за пределами дома бродят жуткие существа, похожие на оживших мертвецов.

Чтобы выжить, им предстоит понять правила этого странного мира: почему твари боятся темноты, что скрывается за пределами их убежища и, главное, от кого сами чудовища прячутся по ночам. Ведь однажды им придётся столкнуться с настоящими хищниками этих мест.

Содержание

Глава 1 4
Глава 2 28
Глава 3 43
Глава 4 50
Конец ознакомительного фрагмента. 61

Яровой Павел
Бойтесь меня

Глава 1

Сначала был ветер.

Он не шумел. Не свистел. Просто перекатывался по высокой траве, словно невидимая ладонь гладила бесконечное поле.

Я открыл глаза.

Небо.

Голубое. Без единого облака.

Несколько секунд я просто смотрел вверх. Казалось, так и должно быть. Будто я проснулся после долгого сна.

Потом сел.

Трава доходила почти до пояса. Она медленно покачивалась, скрывая землю, будто море скрывает своё дно.

Я огляделся.

Поле.

Огромное.

Оно уходило так далеко, что становилось частью горизонта. Справа и слева — ничего. Только волны зелени.

Вдалеке, примерно в километре, тянулась тёмная полоса леса.

Я вдохнул.

Запах был удивительно настоящим. Сырая земля. Лето. Цветы.

Красиво.

Слишком красиво.

Что-то было неправильно.

Я нахмурился.

Где я?

Ответ не пришёл.

Ладно.

Следующий вопрос.

Как я сюда попал?

Пусто.

Я попытался вспомнить вчерашний день.

Ничего.

Позавчера.

Ничего.

Последний месяц.

Пустота.

Сердце начало стучать быстрее.

Хорошо.

Как меня зовут?

...

Я замер.

Нет.

Нет-нет.

Это же невозможно.

Каждый знает своё имя.

Каждый.

Я снова попытался.

Хоть букву.

Хоть звук.

Хоть город.

Лицо матери.

Ничего.

Вообще.

Будто кто-то взял мою жизнь и аккуратно стёр её ластиком.

По позвоночнику пробежал холод.

Я резко поднялся на ноги.

И только тогда заметил остальных.

Сначала одного.

Метрах в тридцати.

Мужчина лет пятидесяти сидел в траве и вертел головой.

Потом ещё.

Женщина.

Дальше — старик.

Потом молодой парень.

Девушка.

Ребёнок...

Лет тринадцать.

Нет.

Я присмотрелся.

Человек двадцать.

Может, больше.

Все лежали далеко друг от друга, словно их специально разбросали по полю.

Кто-то уже стоял.

Кто-то держался за голову.

Одна пожилая женщина медленно крутилась вокруг себя, словно пыталась найти кого-то знакомого.

Толстый мужчина хлопал себя по карманам.

Высокая девушка смотрела на собственные руки так, будто видела их впервые.

Никто не разговаривал.

Потому что никто ещё не понял.

Через минуту понял первый.

— Где мы?..

Голос прозвучал настолько громко среди тишины, что я вздрогнул.

Потом сразу второй.

— Кто-нибудь знает, что происходит?

— Эй!

— Люди!

— Вы меня слышите?

Ответов не было.

Только вопросы.

Они быстро множились.

— Как я сюда попал?
— Это какая-то игра?
— Что происходит?!
Женщина лет сорока вдруг заплакала.
Не потому что что-то случилось.
А потому что не смогла назвать собственного имени.
Я видел, как её губы дрожали.
Она снова и снова пыталась что-то вспомнить.
Безуспешно.
Паника распространялась быстрее любого вируса.
Я сделал несколько шагов.
Ноги слушались идеально.
Тело тоже.
Ничего не болело.
Значит, со мной всё в порядке?
Или только кажется?
Ветер усилился.
Трава снова зашуршала.
И в этот момент я заметил движение возле леса.
Сначала решил — показалось.
Потом увидел снова.
Чёрные точки.
Очень маленькие.
Их было много.
Я прищурился.
Они двигались.

Прямо сюда.

— Там кто-то есть! — крикнул кто-то справа.

Все начали смотреть в одну сторону.

Точки увеличивались.

Человек рядом со мной облегчённо выдохнул.

— Слава богу... люди.

Мне тоже так показалось.

Наверное, помощь.

Полиция.

Военные.

Спасатели.

Кто угодно.

Но чем ближе они становились, тем меньше были похожи на людей.

Нет.

Форма человеческая.

Но двигались...

Неправильно.

Слишком резко.

Будто тело не умело бегать, но всё равно бежало изо всех сил.

Руки болтались.

Головы дёргались.

Некоторые почти падали, но каждый раз каким-то чудом удерживались на ногах.

И скорость.

Господи...

Они не просто бежали.

Они летели.

— Почему они так...

Фразу никто не закончил.

Первый крик раздался далеко впереди.

Один из тех, кто оказался ближе всех к лесу, даже не успел ничего понять.

Существо налетело на него всем телом.

Они оба рухнули в траву.

Через секунду сверху прыгнуло второе.

Потом третье.

Человек закричал.

Так кричат только один раз в жизни.

Высоко.

Отчаянно.

Не веря.

Мы ничего не видели из-за высокой травы.

Только слышали.

Хруст.

Рёв.

И крик, который внезапно оборвался.

Тишина длилась меньше секунды.

Потом закричал второй.

Ещё дальше.

Потом третий.

Паника взорвалась.
— БЕЖИМ!!
— Господи!!
— Что это?!
— Спасайтесь!!
Толпа одновременно сорвалась с места.
Никто больше не пытался понять.
Инстинкт оказался быстрее разума.
Я тоже побежал.
Трава била по ногам.
Воздух обжигал лёгкие.
Позади уже слышались десятки криков.
Кто-то плакал.
Кто-то звал мать.
Кто-то кричал:
— Помогите!
Я не оборачивался.
Первые секунд десять.
Потом всё-таки посмотрел.
И пожалел.
Они были уже совсем близко.
Лица...
Если это можно назвать лицами.
Серые.
Разорванные.
У одного не хватало нижней челюсти, но он всё равно ка-

ким-то образом издавал звериный рык.
У другого половина лица отсутствовала.
Кость.
Мясо.
Кровь.
И глаза.
Пустые.
Но голодные.
Очень голодные.
Один мужчина споткнулся.
Всего один раз.
Он почти сразу поднялся.
Но этого хватило.
Сразу двое существ прыгнули ему на спину.
Он исчез под ними.
Я услышал только:
— Нет! Нет! Нет!
И снова тот самый звук.
Будто мокрую ткань рвали руками.
Я побежал быстрее.
Казалось невозможным.
Но тело находило силы.
Справа мелькнула девушка.
Лет двадцать.
Она задыхалась.
Мы переглянулись.

Каждый раз, когда позади раздавался очередной крик, шея сама собой начинала поворачиваться. Я сдерживался, но иногда всё-таки бросал короткий взгляд через плечо. На долю секунды. Ровно настолько, чтобы увидеть, насколько близко они подобрались.

Лучше бы не видел.

Люди бежали во все стороны. Кто-то держался прямо за мной, кто-то сворачивал влево, надеясь обойти холмы, другие пытались уйти вправо. Некоторые уже заметно отставали. Высокая трава скрывала их по пояс, и со стороны казалось, будто по полю плывут десятки человеческих голов.

А за ними двигались другие.

Гораздо быстрее.

Я заставил себя смотреть вперёд.

Холм.

За ним ещё один.

И ещё.

Только трава, ветер и бесконечные волны зелени.

Никаких дорог. Никаких машин. Никаких построек.

Вообще ничего.

Ноги работали на автомате. Правая, левая, правая, левая. Дышать через нос. Не сбивать темп. Не думать о том, сколько ещё осталось.

Что будет, если я устану?

Я снова оглянулся.

Я заметил группу из трёх человек. Молодой парень, жен-

щина с растрёпанными волосами и кто-то ещё, чьего лица я не успел разглядеть.

Они почти не отставали от тварей.

Нет.

Не почти.

Я заметил, как они стали смещаться вправо. Один из преследователей резко ускорился. Его тело накренилось вперёд, руки взметнулись в стороны, а ноги принялись судорожно перебирать землю.

Он догонял.

Слишком быстро.

Троица впереди него тоже это поняла. Парень что-то крикнул остальным, но ветер унёс слова. Они одновременно прибавили ходу.

Впереди у них оказался небольшой холм.

Все трое начали подниматься.

Я отвернулся.

Не хотел видеть, что произойдёт дальше.

Не хотел — но всё равно видел.

Краем глаза заметил, как из-за соседнего склона выскочили ещё несколько тварей. Они двигались наперерез, отсекая людям путь. Расстояние между ними сокращалось с каждой секундой.

Потом все скрылись за холмом.

И почти сразу оттуда донёсся крик.

Один.

Второй.

Третий.

Я споткнулся.

Всего на мгновение. Подошва зацепилась за что-то твёрдое под травой, и тело опасно качнулось вперёд. Я взмахнул руками, удержал равновесие и побежал дальше.

Не падай.

Только не падай.

Сейчас это было единственное правило, которое имело значение.

Я снова посмотрел вперёд.

Холм.

Трава.

Ещё один холм.

Да чтоб вас всех.

Где здесь хоть что-нибудь, кроме этого проклятого поля?

Я бежал уже неизвестно сколько. Минута? Пять? Десять? Время превратилось в бессмысленную последовательность вдохов и шагов.

Лёгкие горели.

В груди будто натянули металлическую проволоку и с каждым вдохом затягивали её всё туже. Сердце колотилось так сильно, что я чувствовал удары где-то в горле.

Я был не в лучшей форме.

Это стало понятно довольно быстро.

Впереди показался мужчина в тёмной футболке. Он бе-

жал, широко расставляя ноги, и постоянно мотал головой из стороны в сторону. При каждом шаге его плечи дёргались, а лицо кривилось от напряжения.

Я обогнал его справа.

Он даже не посмотрел на меня.

Через несколько секунд впереди появилась женщина. Она держала одной рукой грудь, другой пыталась убрать волосы с лица. Бежала она неровно, короткими рывками, словно каждый следующий шаг приходилось отдельно выпрашивать у собственного тела.

Я обошёл её.

Она что-то сказала мне вслед.

Наверное, попросила помочь.

Наверное.

Я не стал проверять.

Ещё несколько десятков метров — и впереди возник новый холм. Невысокий, с пологим склоном. На его вершине трава колыхалась под ветром, скрывая то, что находилось за ним.

Я направился к нему.

И тут заметил пухлого мужчину.

Он бежал немного левее меня. Лет сорока, может, чуть больше. Короткие волосы, круглое красное лицо, светлая рубашка, прилипшая к спине. Живот заметно подпрыгивал при каждом шаге.

Ему повезло.

Он проснулся далеко от леса. Пока остальные получали фору в несколько сотен метров, твари уже пожирали тех, кому не повезло оказаться ближе.

Но теперь преимущество закончилось.

Мужчина остановился.

Просто встал посреди травы, согнулся и упёрся ладонями в колени. Его плечи ходили вверх-вниз. Он жадно хватал ртом воздух, словно пытался проглотить его целиком.

Я продолжал бежать.

Он поднял голову.

Оглянулся назад.

И снова сорвался с места.

Получилось плохо.

Через несколько десятков метров он опять остановился. На этот раз почти упал, споткнувшись о собственные ноги. Выпрямился, сделал несколько неуверенных шагов и снова посмотрел назад.

Я тоже посмотрел.

Зря.

Десятки серых фигур. Они появлялись из травы и снова исчезали в ней, но их было слишком много, чтобы ошибиться.

А расстояние...

Его почти не осталось.

Начался полный хаос.

Твари появлялись повсюду. То справа, то слева. Казалось,

они окружали нас, выныривая из травы и выскакивая из-за холмов.

Некоторые резко меняли направление и бросались наперерез бегущим. Другие ускорялись, догоняли отставших и сбивали их с ног.

Стоило кому-то упасть, как на него тут же набрасывались остальные.

И пока твари рвали свою жертву, те, кто бежал следом, пытались проскочить мимо.

Иногда получалось.

Я ускорился, насколько мог.

Когда поравнялся с пухляшом, он резко повернул голову.

Наши взгляды встретились.

И теперь он смотрел на меня.

Не на остальных.

На меня.

Будто я мог что-то изменить.

— Подожди... — выдавил он.

Я не остановился.

— Брат, пожалуйста...

Он попытался ускориться, но вместо этого едва не рухнул на землю. Лицо его перекосилось. Он протянул руку в мою сторону, хотя между нами уже было несколько метров.

— Не бросай меня!

Я отвернулся.

У меня не было оружия. Не было плана. Не было даже

понимания, где мы находимся.

Я не мог тащить его на себе.

— Пожалуйста!

Я услышал его ещё раз.

Потом звук утонул в шуме ветра и моём собственном дыхании.

Я побежал дальше.

Ещё один человек.

Молодой парень, совсем худой, в тёмных спортивных штанах. Он двигался быстро, но постоянно оглядывался и из-за этого терял равновесие. Когда я поравнялся с ним, он попытался что-то спросить. Слова рассыпались в кашель.

Я ничего не ответил.

Обогнал.

Я снова посмотрел назад.

Пухляш всё ещё бежал.

Вернее, пытался.

Он сильно отстал. Его фигура то появлялась над травой, то исчезала. Каждый шаг давался ему с огромным трудом. Он больше не кричал. Только двигался, отчаянно размахивая руками.

За ним уже показались первые твари.

Одна из них резко свернула в его сторону.

Я отвернулся прежде, чем она прыгнула.

Не знаю, почему.

Наверное, потому что уже знал, что услышу.

И услышал.

Крик разрезал воздух. В нём было столько ужаса, что я невольно ускорился, хотя ноги уже дрожали от усталости.

Прости.

Я не знал, кому именно это сказал.

Ему?

Себе?

Может, обоим.

Я добрался до подножья холма.

Небольшой, но достаточно крутой, чтобы заставить меня замедлиться. Трава на склоне доходила почти до груди, цеплялась за одежду. Под ногами попадались неровности, скрытые плотным ковром зелени.

Я посмотрел на вершину.

Потом на собственные ноги.

Они дрожали.

Если за этим холмом опять будет пустое поле, я не знаю, что делать.

Силы моего тела не бесконечные. Я уже выжал из него почти всё, что мог. Ещё один длинный рывок — и, возможно, придётся остановиться.

А остановиться означало умереть.

Я втянул воздух.

Раз.

Другой.

Третий.

И начал подниматься.

Каждый шаг давался тяжелее предыдущего. Ноги будто налились свинцом. Сердце стучало в ушах, заглушая даже крики позади.

Ещё шаг.

Ещё.

Давай.

Я почти не чувствовал ног. Во рту пересохло настолько, что язык прилипал к нёбу. В боку горело, а грудь сдавливало так, будто на неё положили тяжёлую плиту.

Я поднял голову.

До вершины оставалось метров пять.

Потом четыре.

Три.

И наконец я перевалил через гребень.

Посмотрел вниз.

И замер.

Дом.

Не лес на горизонте, до которого нужно бежать километрами. Не очередная полоска зелени, которая исчезнет, стоит только приблизиться.

Дом.

Метров триста от подножия холма.

Небольшой, узкий, двухэтажный. Светлые стены, тёмная крыша, несколько окон. Рядом с ним виднелась какая-то хозяйственная постройка, а за домом росли деревья.

Я смотрел на него и несколько секунд не мог поверить.

Потом из груди вырвался короткий, хриплый смешок.

— Да ладно...

Это было не спасение.

Я понимал.

Дом мог оказаться заперт. Там мог никого не быть. А внутри вполне могли ждать такие же твари, только в более удобном для них месте.

Но у него были стены.

Дверь.

Окна.

Возможность хотя бы на минуту перестать бежать по открытому полю, где меня было видно за сотни метров.

После бесконечной травы это казалось почти чудом.

Я почувствовал, как внутри что-то изменилось.

Не знаю, откуда взялись силы, но ноги снова начали двигаться.

Я побежал вниз.

Склон оказался круче, чем выглядел сверху. Пришлось широко расставлять ноги и балансировать руками, чтобы не рухнуть. Трава скользила под подошвами, несколько раз я едва не потерял равновесие.

Но теперь у меня была цель.

Я заметил женщину.

Она находилась у подножия холма, немного левее прямой линии к дому.

Пожилая, невысокая, полная, в какой-то светлой кофте и длинной юбке, которая путалась у неё между ног. Большой розовый бант, а седые волосы под ним растрепались и липли к лицу. Одна рука была прижата к боку, другой она пыталась отталкивать траву, мешавшую бежать.

Она не бежала.

Она словно пыталась бежать, но тело не соглашалось выполнять задуманное.

Два коротких шага.

Спотыкание.

Взмах руками.

Ещё несколько шагов.

Потом она едва не упала, схватилась за собственное колено и с трудом выпрямилась.

Дом находился от неё примерно в двухстах метрах.

От меня — чуть дальше.

Я обогнал старушку, стараясь даже не смотреть ей в лицо.

Не потому, что боялся увидеть в нём отчаяние. Просто не хотел снова ловить на себе этот взгляд. Тот самый, с мольбой и надеждой, после которого чувствуешь себя последней мразью, даже если ничего не обещал и ничего не мог сделать.

До дома оставалось совсем немного.

Пятьдесят метров.

Может, чуть больше.

Я всё-таки оглянулся.

Старушка по-прежнему ковыляла к дому. Она почти не

продвинулась вперёд, хотя изо всех сил пыталась ускориться. Её юбка цеплялась за траву, руки беспорядочно взмахивали, а корпус раскачивался из стороны в сторону.

Её уже обгоняла молодая девушка.

Та самая, с которой мы встретились взглядами на поле.

Я задержал на ней взгляд всего на мгновение.

Потом заметил движение выше по склону.

Три фигуры.

Люди.

Они спускались с холма, то появляясь над травой, то исчезая в ней. Один бежал впереди, двое других отставали. Все трое размахивали руками, пытаясь удержать равновесие на неровном склоне.

А потом я увидел, что происходит за их спинами.

Одна из тварей перевалилась через вершину и покатилась вниз, кувыркаясь по склону.

Следом над гребнем появились головы.

Одна.

Две.

Три.

Я сбился с дыхания.

Пять.

Нет, больше.

Тёмные, дёргающиеся силуэты один за другим перевалили через вершину.

Они почти добрались до нас.

Я отвернулся и сделал последний рывок.

Я влетел внутрь дома так быстро, что ударился плечом о косяк.

Боль.

Живая.

Настоящая.

Но главное, что дверь была открыта. Тут повезло.

Я сразу развернулся.

Нет.

Закрывать рано.

Снаружи бежала та самая девушка.

За ней — седой мужчина.

Ещё женщина.

Я держал дверь.

— Быстрее!

Девушка буквально влетела внутрь.

Следом старик.

Женщина успела в последний момент.

И вдруг я увидел ещё двоих.

Впереди почти добежала та самая старушка.

Медленно.

Очень медленно.

За ней — крепкий мужчина лет сорока.

Он догонял её.

Ещё секунда — и оба были бы внутри.

Я уже протянул руку.

Но мужчина сделал совсем другое.

Он схватил старушку за плечо.

Я подумал, что хочет помочь.

Вместо этого он резко дёрнул её назад.

Она упала.

Даже не вскрикнула.

Только удивлённо посмотрела на него.

Он перепрыгнул через неё и рванул к двери.

Позади на женщину уже обрушились серые тела.

Её крик раздался в тот момент, когда мужчина влетел внутрь, чуть не сбив меня с ног.

— Закрывай!

Я смотрел ему в лицо.

На нём не было сожаления.

Только страх.

Животный.

Первобытный.

Он выбрал себя.

И, возможно, именно поэтому ещё дышал.

Я захлопнул дверь.

Снаружи что-то с грохотом ударило в дверь.

Потом ещё раз.

Потом десятки рук одновременно начали колотить по дереву.

Дом вздрогнул.

Я упёрся в дверь спиной, расставив ноги пошире. Дере-

во под ударами трескалось . Нужно было опустить большой шпингалет, но для этого требовалось хотя бы на секунду освободить руки. А стоило мне оторваться от двери, как вся эта орущая снаружи компания тут же оказалась бы внутри.

— Помогите! Шпингалет закройте!

Кто-то подбежал ко мне. Старик.

Он упёрся в дверь одной рукой, потеснив меня, а второй нащупал шпингалет и с грохотом опустил его на место.

— Теперь медленно, — выдавил я сквозь зубы.

Мы начали понемногу ослаблять давление. Совсем чуть-чуть, прислушиваясь к каждому удару снаружи. Дверь дёргалась, дрожала, но оставалась на месте. Мы отпустили её ещё немного. Потом ещё.

Шпингалет держал.

На полу что-то деревянное стукнуло меня по ноге. Небольшой деревянный клин.

Похоже, им подпирали дверь, когда хотели оставить её открытой. Сейчас он мог пригодиться для обратной цели.

Я ногой подтянул клин и носком затолкал его под дверь. Затем несколько раз ударил по нему пяткой, вгоняя поглубже.

Надеюсь поможет.

Мы отошли.

Твари продолжали ломиться. Шпингалет держал. Клин тоже.

Глава 2

Никто не произнёс ни слова.

Мы просто стояли и дышали. Каждый по-своему, но одинаково безобразно. Воздуха не хватало, грудь ходила ходуном, а сердце колотилось так, словно пыталось выбить себе отдельный выход из тела. Я прислонился к стене и несколько секунд смотрел в пол, ожидая, пока мир перестанет раскачиваться.

Первой заговорила женщина.

— Вы… вы что творите?!

Голос прозвучал неожиданно громко. Даже я вздрогнул.

— Вы видели, что он сделал?! Вы видели?!

Она указывала на мужчину. Невысокий, коренастый, как Кабан. Тот уже сполз по стене и сидел на полу, широко расставив ноги. Голова опущена, руки на коленях. Он тяжело дышал, втягивая воздух через открытый рот. На лбу блестел пот.

— Он ее толкнул! Этот… этот ненормальный ее толкнул!

— Мы бы оба там осталась, если бы я ее не толкнул, — выдавил он, не поднимая головы.

— Что?!

Женщина словно споткнулась о собственный крик.

— Ты ее убил! Я расскажу все полиции! Слышишь?! Полиции! Я всё расскажу! Ты ответишь за это!

Кабан ничего не ответил. Только коротко хмыкнул, продолжая смотреть в пол.

И это, похоже, разозлило её ещё сильнее.

— Ты что, смеёшься?! Ты надо мной смеёшься?!

Я оставил их разбираться между собой и огляделся.

Первый этаж оказался небольшим. Настолько, что назвать его этажом было бы некоторым преувеличением. Одна комната, совмещённая, судя по всему, с кухней, и узкий лестничный проём у стены. Старая кухонная мебель с потемневшими дверцами, небольшой диван, продавленный посередине, стол с облупившейся столешницей. На спинке дивана лежала какая-то тряпка, когда-то, вероятно, бывшая полотенцем. Теперь она больше напоминала шкуру неизвестного животного, пережившего несколько неудачных зим.

Всё покрывал толстый слой пыли.

На столе, на подоконниках, на кухонных полках. Даже на ручках шкафчиков. Здесь давно никто не убирался. Возможно, давно никто и не жил.

Я насчитал три окна. По одному на каждой из трёх наружных стен. Все занавешены тяжёлыми шторами, выцветшими настолько, что первоначальный цвет можно было только угадывать. Сквозь плотную ткань просачивались тонкие полосы серого света. Его едва хватало, чтобы различать очертания мебели.

Темнота здесь была не полной, но неприятной. Она прятала мелочи и заставляла мозг дорисовывать их за тебя.

Я подошёл к ближайшему окну.

За спиной дверь хрустела от постоянных ударов, а женщина продолжала говорить. Теперь она уже не просто обвиняла Кабана, а пыталась восстановить привычную картину мира, в которой у каждого поступка имелись последствия, а у последствий — ответственные лица.

— Да вы понимаете вообще, что произошло?! Что это за твари?! Почему они на нас нападают?! Где полиция?! Почему никто не приезжает?!

Последний вопрос она задала уже почти визгом.

Я осторожно взялся за край шторы.

Сначала приподнял её буквально на пару сантиметров.

Старое стекло было мутным, местами покрытым разводами. Я увидел край деревянного сарая и заросшую травой дорожку.

Потом заметил движение.

Точнее, сначала мне показалось, что это просто тёмное пятно на стекле. Я чуть отодвинул штору.

И едва не выпустил её из рук.

Прямо за окном стояла одна их этих тварей.

Она находилась настолько близко, что между ее лицом и стеклом оставалось сантиметров двадцать. Стояла боком ко мне, повернув голову вдоль стены дома в сторону входной двери, куда продолжали ломится. - Выродок - первое что я подумал. Я видел его профиль: выступающий лоб, впалую щёку, приоткрытый рот. На шее темнели какие-то неровные

пятна. Одежда висела на нём грязными складками.

Я замер.

Он был выше меня. По крайней мере, так казалось. Широкое плечо почти закрывало нижнюю часть окна, а голова находилась где-то на уровне верхней трети стекла.

Я сам не заметил, как задержал дыхание.

Монстр стоял неподвижно. Только иногда чуть поворачивал голову, словно пытался уловить что-то за пределами собственного зрения.

Я медленно опустил штору

Ткань скользнула по подоконнику, подняв крошечное облачко пыли. Я поймал её пальцами и замер, ожидая реакции снаружи.

Ничего.

Ни удара, ни скрежета, ни попытки проломить стекло.

Я осторожно отступил от окна.

Стёкла старые. Рамы, судя по всему, тоже. Дерево местами рассохлось, краска потрескалась. Если они решат войти, такая преграда долго не продержится. А некоторые из них уже ходят прямо под окнами.

Я посмотрел на занавески.

Прекрасно. Эти старые тряпки по сути все, что отделяет нас от смерти.

Монстр за окном не выглядел особенно сообразительным. Он стоял в двадцати сантиметрах от меня и даже не пытался посмотреть внутрь. Возможно, не заметил движения за што-

рой. Возможно, его отвлекло что-то другое.

Это давало небольшую надежду.

Но только небольшую.

Проблема заключалась в том, что наш маленький коллектив, похоже, собирался добровольно лишить нас даже её.

— Ты ещё улыбаешься?! — крикнула женщина.

В этот момент последовал еще один сильный удар в дверь.

Я прикрыл глаза на секунду.

Она ходила по комнате из стороны в сторону. Делала несколько быстрых шагов, останавливалась, тыкала пальцем в Кабана, снова разворачивалась. Её голос становился всё выше, а движения — резче. Она словно пыталась разогнать собственный страх, крича на всё, что попадалось под руку.

Кабан наконец поднял голову.

Посмотрел на неё.

И улыбнулся.

Не широко, не вызывающе. Просто уголок его рта приподнялся, а в глазах появилось выражение человека, которому только что сообщили что-то очевидное, но почему-то очень смешное.

Женщина увидела эту улыбку.

— Ах ты…

Она шагнула к нему.

Кабан даже не пошевелился.

Я перевёл взгляд с одного на другого и начал понимать, что именно меня беспокоит.

Не сам конфликт. Дело было в том, что женщина продолжала разговаривать с Кабаном так, будто между ними всё ещё существовал прежний мир.

Мир, в котором можно было оскорбить человека, вызвать полицию, написать заявление, найти свидетелей и дождаться, пока кто-нибудь разберётся, кто прав, а кто виноват.

Кабан, похоже, уже понял кое-что другое.

Он толкнул старуху, чтобы спастись. И, судя по его поведению, совершенно не считал, что должен за это оправдываться.

Возможно, он просто был ублюдком.

Нет!

Он однозначно был ублюдком!

Но его улыбка говорила мне, что дело не только в этом.

Он понял, что старые правила больше не работают. Понял, что никто не гарантирует их соблюдение. Понял это раньше всех.

А женщина ещё пыталась заставить мир вернуться на привычное место. Для неё достаточно было назвать полицию, чтобы всё снова стало понятным. Есть преступник, есть пострадавшая, есть наказание. Простая схема, на которой держится большая часть человеческой уверенности в собственной безопасности.

Проблема в том, что мир не обязан сохранять свои правила только потому, что кто-то к ним привык.

— Я тебе обещаю, ты за это ответишь! — Она почти за-

хлёбывалась словами. — Ты меня слышишь?! Я тебя засужу! Я…

Кабан усмехнулся сильнее.

Я посмотрел на его руки. Крупные, тяжёлые, с короткими пальцами. Потом на женщину. Она стояла от него всего в нескольких шагах и, кажется, совершенно не замечала, что происходит.

Или замечала, но не могла остановиться.

Кабан мог ударить её. Мог схватить за шею, оттолкнуть, сбить с ног. Мог сделать что-нибудь гораздо хуже, чем толкнуть старуху во время бегства.

И если он это сделает, у нас появится ещё одна проблема. Только уже внутри дома.

Я оттолкнулся от стены.

— Послушайте, — сказал я женщине. — Давайте немного успокоимся.

Она не обратила на меня внимания.

— Вы слышали, что он сказал?! Вы все слышали?!

— Слышал.

— И вы ничего не собираетесь делать?!

— Собираюсь. Для начала хочу, чтобы вы перестали кричать.

Это, кажется, было ошибкой.

Она резко повернулась ко мне.

— А вы кто вообще такой, чтобы мне указывать?!

Я мысленно вздохнул.

Разумеется. Не хватало только этого.

Я подошёл ближе и взял её за руки чуть выше запястий. Не сильно, просто чтобы заставить остановиться и посмотреть на меня.

— Послушайте меня. Я понимаю, что вы напуганы. Все напуганы. Но сейчас нам нужно…

— Не трогайте меня!

Она дёрнулась, пытаясь высвободить руки.

— Я не собираюсь вас обижать.

— Тогда отпустите!

— Хорошо. Но сначала посмотрите на меня.

Она посмотрела.

На мгновение мне показалось, что удалось. Её взгляд задержался на моём лице, дыхание чуть сбилось, а крик оборвался на полуслове. Я заговорил тише, почти шёпотом:

— Здесь небезопасно. Мы не знаем, что происходит снаружи. Нам нужно вести себя тихо и…

— Тихо?! Вы хотите, чтобы я молчала?! После того, что он сделал?!

Её взгляд скользнул мимо меня, к Кабану.

И всё пошло по новой.

— Вот он! Сидит там и ухмыляется! Думает, ему всё сойдёт с рук?!

Она попыталась вывернуться, заглядывая мне за плечо. Я удержал её руки, стараясь не причинить боли, и одновременно пытался поймать её взгляд.

— Послушайте, пожалуйста…

— Да отпустите вы меня!

Она дёрнулась сильнее.

За моей спиной послышались шаги.

Я не успел обернуться.

Что-то тяжёлое и тупое ударило меня в голову сбоку.

В глазах на мгновение вспыхнул белый свет. Не тот, который бывает от яркой лампы, а какой-то внутренний, будто кто-то щёлкнул выключателем прямо за лбом.

Я отпустил женщину и схватился за челюсть.

В ту же секунду перед глазами мелькнула рука.

Широкая ладонь летела к женскому лицу с такой решительностью, словно давно ждала своего часа.

Хлопок получился звонким. Неприлично звонким для маленькой комнаты, в которой я четно пытался сохранить тишину.

Женщину отбросило в сторону. Она потеряла равновесие и рухнула на пол, ударившись бедром о ножку стола. Сразу же схватилась за щёку.

Я отшатнулся, морщась от боли, и наконец понял, что произошло.

Дед. Лет шестидесяти. Не высокий, жилистый. Лицо красное от злости.

Он стоял прямо за мной, опустив руку после удара. Судя по всему, решил влепить женщине пощёчину, чтобы привести её в чувство. Только на пути его предплечья оказалась

моя голова.

Очень удачно для всех, кроме меня.

Боль расползалась от скулы к уху, а во рту появился неприятный металлический привкус.

— Какого… — начал я, но тут же удары в дверь усилились.

Я замолчал.

Женщина уже поднимала голову.

Она сидела на полу, прижимая ладонь к щеке. Волосы растрепались, лицо перекосилось от боли и ярости. Несколько секунд она просто смотрела на деда снизу вверх.

Мы все замерли на своих местах.

Никто не произносил ни слова. Даже женщина, ещё недавно готовая разорвать Кабана голыми руками, теперь сидела на полу и молча прижимала ладонь к щеке.

Стук в дверь продолжался.

Глухие удары сотрясали старое дерево. Иногда к ним примешивался какой-то скрежет, а один раз мне показалось, что что-то ударило по стеклу. Я невольно покосился на зашторенные окна.

Кабан тихо хмыкнул.

Потом не выдержал и негромко рассмеялся. Ехидно, почти беззвучно, словно происходящее его забавляло.

Я потёр челюсть.

Боль шла от скулы вниз, к самому углу нижней челюсти, чуть ниже уха. Колющая, неприятная. Я осторожно надавил

пальцами, попробовал открыть и закрыть рот. Получалось. Зубы вроде тоже были на месте.

Сломана или нет — пока неясно.

— Вот же…

Я оборвал себя на полуслове и снова прислушался к двери.

А потом начал злиться.

Не столько из-за боли. Удар, вероятнее всего, получился случайным. Дед замахнулся на женщину, а моя голова просто оказалась на пути. Так же как иногда может прилететь чьим-то локтем или головой, когда разнимаешь драку. Такое бывает.

Но тут все же было другое. Я стоял на месте и не встал случайно под его руку.

Ему просто было плевать.

Он даже не подумал, что может задеть меня. Просто сделал то, что счёл нужным, и всё. Будто рядом никого не было. Будто я был каким-то предметом мебели, который можно задеть локтем, проходя мимо.

Я должен что-то сделать. По-хорошему, стоило хотя бы спросить, какого чёрта он себе позволяет. Поставить его на место. Дать понять, что со мной так нельзя.

Но я молчал.

Снаружи снова ударили в дверь.

Я сжал зубы и тут же пожалел об этом. Челюсть отозвалась острой болью.

Чёрт.

Почему я вообще должен выбирать, как правильно поступить? Почему моментальное желание ответить просто не вспыхнуло само собой? Почему вообще было место каким то размышлением, что уместно, а что нет?

Ведь всё довольно просто. Если кто-то бьёт тебя, ты отвечаешь. Если кто-то тебя унижает, ты не позволяешь ему делать это без последствий. Так, по крайней мере, должно работать. Не нужно сидеть и устраивать в голове заседание комиссии по оценке целесообразности ответной агрессии.

Но я сидел.

И думал.

Дед, похоже, не потратил ни секунды на подобные размышления. Увидел проблему, решил её самым простым способом и пошёл дальше. Ударил женщину — она замолчала. Всё. Никаких рассуждений о том, что будет потом, никаких попыток просчитать последствия.

И ведь ему повезло.

Я тоже думал ударить её. Когда она орала, дёргалась и никак не хотела успокаиваться, мысль казалась вполне разумной. Один резкий удар — и, возможно, она наконец заткнётся.

Но что дальше?

А если она упадёт, ударится головой о пол или угол стола и умрёт? Прекрасно. Ко всем проблемам мы еще и получим труп в комнате.

Хотя это ещё лучший вариант.

А если она после удара окончательно слетит с катушек? Начнёт орать, бросится к двери, попытается выбраться наружу или открыть её, чтобы позвать на помощь? Тогда нам точно конец. И всё потому, что кому-то захотелось поставить другого человека на место.

Я хотя бы подумал об этом.

Дед — нет.

Он просто ударил её и оказался правым. Не потому, что нашёл лучшее решение, а потому, что женщина замолчала.

Пока что.

Я посмотрел на него. Старик стоял неподалёку, тяжело дыша после короткой вспышки ярости. По его лицу нельзя было понять, испытывает ли он хоть какое-то сожаление. Скорее всего, нет.

А Кабан всё ещё улыбался.

Вот уж кому происходящее нравилось больше всех.

Я медленно опустил руку от челюсти.

В голове крутилась неприятная мысль, от которой хотелось избавиться, но она цеплялась за сознание, как заноза.

В глазах остальных я сейчас выглядел слабым.

Дед ударил женщину, случайно задел меня и остался стоять на месте. Я схватился за челюсть, отступил и промолчал. Ни угроз, ни попытки ответить, ни даже нормального вопроса. Что я за человек то такой?

Просто проглотил.

Я хотел верить, что промолчал из-за здравого смысла. Что сумел удержаться, потому что видел последствия дальше собственного носа.

Но где-то глубже сидело подозрение, что это лишь удобное объяснение.

Возможно, я просто трус. Такой вот я человек оказывается?

Эта мысль оказалась хуже боли в челюсти.

Отвратительное ощущение внутри.

Гордость и трусость. Лучший рецепт для комплексного самопоедания.

Стук в дверь постепенно стихал.

Сначала удары стали реже. Потом между ними появились длинные паузы. Наконец снаружи остались только редкие глухие толчки, будто твари теряли интерес или переключались на что-то другое.

Мы продолжали стоять молча.

Прошла минута. Потом ещё одна.

Я уже начал надеяться, что они уйдут, когда услышал тихий звук из дальнего угла комнаты.

Всхлип.

Я повернул голову.

Сначала ничего не увидел. В доме было слишком темно, а тяжёлые шторы почти полностью перекрывали свет. Мебель сливалась в бесформенные пятна, и углы комнаты казались глубже, чем были на самом деле.

Потом раздался ещё один всхлип.

Тихий, сдавленный. Кто-то пытался плакать так, чтобы его не услышали.

Я прищурился.

Девушка.

Она сидела у стены, поджав колени к груди и обхватив их руками. Почти сливалась с темнотой. Я помнил, как она забилась туда ещё сразу после того, как мы вбежали в дом. С тех пор она, кажется, даже не пошевелилась.

Её плечи мелко вздрагивали.

Она плакала, стараясь не издавать ни звука.

Глава 3

Минут пять мы просидели молча.

Тишину нарушал тихий, сдавленный плач девушки у стены и тяжёлое дыхание кабана.

Иногда в дверь прилетал одиночный удар.

Резкий. Глухой.

Я сидел, прислонившись к стене, и пытался успокоиться.

Не получалось.

Старик. Его удар. Моя челюсть. Этот мерзкий звук, который я издал, когда меня приложили. И собственное молчание в ответ.

Вот последнее почему-то бесило сильнее всего.

Почему меня так задело?

Вопрос был неприятным, но вполне логичным. Я не знал, кем был до всего этого. Не помнил ни работы, ни друзей, ни даже собственного дома. Но то, сколько внимания я уделяю произошедшему, явно не было адекватным.

Я посмотрел на дверь.

За ней находились твари. Я не знал, сколько их. Прекрасно понимал, что они сделают, если попадут внутрь. Но при всём этом они не вызывали у меня того страха, который, казалось, должны были вызывать.

Осторожность — да. Напряжение — безусловно. Я не собирался открывать дверь и проверять, насколько быстро они

способны меня разорвать.

Но ужаса не было.

А старик ударил меня один раз, и я до сих пор не мог выбросить это из головы.

Что за дерьмо?

Я заставил себя медленно вдохнуть через нос. Задержал воздух. Выдохнул.

Спокойно.

Произошедшее уже случилось. Нужно думать о реальной угрозе. Ничего изменить нельзя. Я здесь, живой, с целой челюстью и всеми зубами. Какой смысл тратить силы на то, что уже нельзя исправить?

На несколько секунд становилось легче.

А потом я снова вспоминал его лицо.

Обороты поднимались.

Сначала медленно, почти незаметно. Потом быстрее. Мысли начинали гудеть, одна цеплялась за другую, и я чувствовал, как внутри что-то раскручивается до предела. Как двигатель, который слишком долго держат на высоких оборотах. Ещё немного — и его заклинит.

Тогда я снова заставлял себя дышать.

Вдох. Выдох.

Обороты падали.

Я переключал передачу, и на короткое время двигатель снова работал ровно.

А потом всё начиналось заново.

— Чёрт, — едва слышно выдохнул я.

Я потёр виски.

Голова начинала болеть. Сначала где-то глубоко, за глазами, потом боль переместилась к вискам. Пульсация становилась всё сильнее, будто кто-то забил туда пару маленьких молотков и теперь методично проверял, насколько крепко держится череп.

Я попытался отвлечься.

И тут снова посмотрел на лестницу.

Верхний этаж тонул во мраке. Отсюда было видно только несколько ступеней и тёмный проём наверху. Остальное скрывала темнота.

Я уже несколько минут старался не смотреть туда слишком долго.

Безуспешно.

Что там?

Пустые комнаты? Спальни? Ванная? Может, окна, через которые можно выбраться наружу, если дверь всё-таки не выдержит?

А может, кто-то ещё.

Мы вбежали сюда в спешке. Проверили только то, что находилось перед глазами.

Я попытался вспомнить детали того, как выглядел дом снаружи. Сколько окон на втором этаже, есть ли они. Цела ли крыша. Была ли на неё лестница снаружи?

Ничего. Только тряска и туманные силуэты. Никакой кон-

кретики.

Наверху не было ничего, кроме неизвестности.

И именно поэтому я не мог перестать на неё смотреть.

Нужно было подняться и проверить.

Во-первых, убедиться, что там никого нет. Или, если кто-то есть, выяснить это сейчас, а не тогда, когда он решит спуститься к нам.

Во-вторых, наверху могло быть безопаснее. Другая дверь, запирающаяся комната, окно на крышу или хотя бы мебель, которой можно перегородить проход. Любое преимущество, которого у нас сейчас не было.

В-третьих…

Я остановился.

Третью причину я знал, но формулировать её не хотелось.

— Нам нужно осмотреть верхний этаж, — сказал я.

Мой голос прозвучал громче, чем я ожидал.

Девушка у стены не подняла головы. Старик даже не повернулся. Кабан продолжал тяжело дышать, уставившись куда-то перед собой.

Я подождал.

— Там может кто-то быть, — добавил я. — И нам стоит знать, есть ли наверху выход или комната, которую можно запереть.

Кабан шумно втянул воздух и повернул ко мне голову.

— Если надо, так иди.

Он произнёс это с такой ленивой ехидцей, будто я пред-

ложил ему помочь переставить мебель.

Я посмотрел на него.

— Я предлагаю проверить всем вместе.

— А я предлагаю тебе проверить самому.

— Там может быть опасно.

— Правда? — Он чуть приподнял брови. — А я-то думал, мы сюда отдохнуть пришли.

Я сжал зубы. Челюсть отозвалась тупой болью.

Вот ведь.

Ещё одно маленькое унижение. Он произнёс это так, словно я был мальчишкой, который просит старших сходить с ним в тёмную комнату.

Я перевёл взгляд на остальных.

Никто не смотрел на меня.

Старик сидел, слегка наклонившись вперёд. Девушка по-прежнему обнимала колени. Кабан отвернулся, будто разговор уже был закончен.

— Я не прошу вас идти вместо меня, — сказал я, стараясь говорить ровно. — Мне просто не помешала бы подстраховка. Лучше, если пойдёт кто-то ещё. Хотя бы один человек.

— Тебе всё уже сказали, — прорычал старик.

Это прозвучало неожиданно громко.

Я повернул голову.

Он смотрел на меня исподлобья. Даже в полумраке было видно, как напряглась его челюсть.

— Не можешь сидеть спокойно — иди и проверяй сам.

Чего ты от нас хочешь?

Последние слова он почти выплюнул.

Я невольно бросил взгляд на дверь.

Снаружи было тихо.

Слишком тихо, чтобы не услышать старика. Если твари всё ещё стояли там, они наверняка слышали каждое слово.

— Потише, — сказал я.

— Что?

— Я говорю, потише. Необязательно орать на весь дом.

Старик подался вперёд.

— Ты мне ещё указывать будешь?

Я замолчал.

Не потому, что испугался. По крайней мере, я очень хотел в это верить.

Просто спорить с ним сейчас было бессмысленно. Я уже понял, что помощи не будет. К женщине, до сих пор державшей руку у щеки, и девчонке, время от времени всхлипывающей в углу, я обращаться не хотел. Как будто это унизило бы меня ещё больше.

Я снова посмотрел на лестницу.

Тёмный проём наверху никуда не делся. Он всё так же ждал, скрывая то, чего я не знал и не мог предугадать.

Виски пульсировали всё сильнее.

Отлично.

За дверью твари, в комнате незнакомые люди, в голове полный бардак, а теперь мне ещё и предстояло в одиночку

идти туда, где могло оказаться что угодно.

Я медленно выдохнул.

Вдох.

Выдох.

Похоже, переключение передачи тут уже не поможет.

Глава 4

По ощущениям, в доме мы находились уже около двух часов. Точнее сказать было трудно — часов здесь нигде не было.

Второй этаж оказался таким же пустым, как и первый. Ничего необычного. Две небольшие, почти пустые комнаты по обе стороны узкого коридора. К нему вела лестница, а в самом дальнем конце, между комнатами, пряталась маленькая ванная.

Поднявшись наверх, я первым делом заглянул именно туда.

Открыл дверь — и оцепенел.

Просто замер на месте.

Как зверь, который слишком поздно замечает хищника. Настолько неожиданно, что тело ещё не успевает понять, откуда пришла опасность, а единственное, что остаётся, — не двигаться.

Напротив меня, из темноты, выглядывал человеческий силуэт.

Доля секунды.

И от пяток до затылка мгновенно, словно кипяток, хлынул животный страх. Следом мышцы всего тела напряглись, будто их залили бетоном.

Сердце, казалось, ударило где-то в горле.

Мозг же уже лихорадочно перебирал то, что произошло.

Как я мог так расслабиться?

Как позволил тишине за этой дверью усыпить собственную осторожность? После всего, что произошло, я просто подошёл, взялся за ручку и без малейшей проверки распахнул дверь.

Я даже не подумал, что там может кто-то быть.

Дурак.

Первая же ошибка — и сразу смерть.

Но прошла ещё одна доля секунды.

Я моргнул.

И выдохнул.

Это было зеркало.

Я смотрел на собственное отражение.

Напряжение начало уходить из тела так же быстро, как пришло. Я ещё несколько секунд стоял неподвижно, продолжая смотреть на человека перед собой, пока окончательно не осознал, насколько нелепо только что отреагировал.

Хотя... откуда мне было знать, как я теперь выгляжу?

Я не помнил своего лица.

Наверное, именно поэтому отражение оказалось настолько неожиданным. Мозг увидел человеческий силуэт там, где его совершенно не должно было быть, и сделал единственный вывод, который мог прийти ему в голову.

Опасность.

Я медленно провёл ладонью по лицу и тихо выдохнул.

— Чёрт...

В отражении стоял худощавый мужчина лет тридцати пяти.

Короткая стрижка, каштановые волосы, лёгкая щетина. В уголках глаз — множество мелких сухих морщинок. Не урод и не красавец. Обычный мужик. Глядя на него, я почему-то первым делом подумал о слесаре или кровельщике. Человеке, который привык работать руками, а не тот, что большую часть жизни проводит в офисе.

Я несколько секунд просто смотрел на себя.

Странное ощущение. Будто видел незнакомца, но при этом совершенно точно знал, что это я.

— Какого хрена я вообще первым полез проверять второй этаж?.. — прошептал я себе.

Вопрос был глупым. Ответ я и так знал.

Я бы с радостью отправил кого-нибудь наверх вместо себя.

Но кого?

Все они вели себя так, будто запертая дверь и зашторенные окна являлись нерушимой гарантией безопасности.

Оставаться внизу и ждать, пока кто-нибудь из них наберётся смелости подняться наверх, было куда рискованнее, чем просто сделать это самому.

Я ещё раз посмотрел на отражение.

— Идиоты...

Сказал это тихо, почти без злости.

Я знал их всего несколько минут, а уже успел устать от каждого настолько, что хотелось просто избавиться от них всех.

Я позвал всех наверх.

Просто сказал, что так будет безопаснее. Даже ни на кого не посмотрел. Бросил это через плечо и оставил им самим решать, что делать дальше.

Я поднялся обратно в коридор.

И только теперь заметил то, чего раньше не видел.

На потолке, почти в самом конце коридора, темнело квадратное углубление. Люк.

Чердак.

Сразу стало понятно — это ещё один рубеж, который необходимо проверить.

Я вернулся в одну из комнат, принёс стул и заодно прихватил торшер. Снял с него абажур, оставив только длинную металлическую стойку.

Поставил стул немного сбоку от люка и забрался на него.

Не хотелось стоять прямо под отверстием.

На всякий случай.

Поднял торшер и ткнул им в деревянную крышку.

Сначала люк не поддавался.

Я нажал сильнее.

Ничего.

Тогда толкнул резче.

Люк вдруг поддался и почти беззвучно отлетел в сторону,

осыпав меня сверху пылью и сгустками старой паутины.

Я замер.

Подождал.

Тишина.

Поднял торшер выше и просунул его в отверстие. Медленно поводил из стороны в сторону, пытаясь нащупать что-нибудь в темноте.

Ничего.

Если бы там кто-то был, скорее всего, уже отреагировал бы.

Я ещё немного подождал, затем пододвинул стул ближе и полез наверх.

Чердак оказался обычным.

Сухим. Пыльным. Низким.

В полный рост здесь не встать, но места было достаточно, чтобы хотя бы кое-как разместиться.

Сквозь многочисленные трещины в кровле пробивались тонкие полоски дневного света. В них медленно плавали мельчайшие частицы пыли, делая воздух почти видимым.

Хорошее место.

По крайней мере, на крайний случай.

Если в дом прорвутся и заполнят первый этаж, можно забаррикадировать узкий лестничный проход. А если баррикада не выдержит — забраться сюда.

Я огляделся.

Главное — убрать отсюда всё, за что можно ухватиться и

по чему можно будет забраться. Чтобы они не смогли просто запрыгнуть сюда.

Хорошо.

Допустим, мы забрались.

А дальше?

Пока неважно.

Можно пробить шифер изнутри. Выбраться на крышу. Потом прыгать по верхушкам немногочисленных деревьев в посадке за домом.

А дальше?

Я остановился.

Что потом?

Всё равно этот дом и несколько десятков деревьев вокруг него стояли посреди поля, словно маленький остров.

Некуда бежать.

Некуда прятаться.

Я почувствовал, как мысли снова начинают ускоряться.

— Фуууууух...

Я медленно выдохнул.

— Выдохни.

Сказал это уже самому себе.

— Успокойся.

Ещё один вдох.

— Тебя заносит.

Я закрыл глаза и несколько секунд просто стоял, прислушиваясь к собственному дыханию.

Не хватало ещё, чтобы и меня охватила паника.

От неё толку не будет.

Паника не спасёт.

Она только заставит ошибиться.

А следующая ошибка может оказаться последней.

Я лёг между балок перекрытия, вытянулся и закрыл глаза. Мне нужно было немного выдохнуть. Хоть на пару минут перестать думать и анализировать.

В какой-то момент мне стало так хорошо и спокойно, что казалось — ещё немного, и я усну.

В дверь продолжали бить с непериодичной постоянностью. Может, в их мозгу иногда что-то вспыхивало, щёлкало, и то один, то другой на мгновение вспоминал, что за этим куском дерева прячется их жертва.

Оставалось лишь надеяться, что очередной проблеск не напомнит им, что в доме есть ещё и окна. Которые очень легко бьются. И если приложить немного усилий, у них будет всесторонний доступ к их, пока что, непреступной кормушке.

— Извините.

Я открыл один глаз.

Тихий девичий голос донёсся снизу.

— Извините! Я это, я рис нашла.

Я не сразу понял, кто говорил.

Потом приподнялся на локте и посмотрел вниз. Девчонка стояла посреди коридора и держала что-то в обеих вытяну-

тых руках.

— Что?

— Рис.

Она сказала это почти шёпотом.

Я высунул голову из-за балки.

Небольшой тканевый мешочек, килограмма на полтора, может меньше. Горловина была приоткрыта.

Я несколько секунд просто смотрел на него.

На мешочек.

Потом на неё.

Я впервые вижу её лицо не искревленное ужасом и впервые слышу её голос.

Тонкий. Приятный. Почти детский.

Хотя она была достаточно высокой и с первого взгляда могла показаться старше, теперь, когда я рассмотрел её внимательнее, становилось понятно — ей явно не было двадцати. Скорее пятнадцать или шестнадцать.

Если раньше её тихий плач откуда-то из угла комнаты только бесил и раздражал меня, то теперь, глядя на неё, я почувствовал совсем другое.

Жалость.

Она продолжала смотреть на мешочек в своих вытянутых ладонях и будто боялась поднять на меня глаза.

— Где ты его взяла?

Она замерла.

— Там... на полке. В том углу, где я сидела.

— Неси его в комнату... я спускаюсь.

Она молча кивнула и пошла обратно.

Я ещё несколько секунд посидел между балок, прислушиваясь к ударам снизу.

Потом осторожно спустился.

В комнату я зашёл последним.

Все собрались там же и рассредоточились по комнате, примерно заняв те же места и позы, что и на первом этаже.

Только Кабан теперь лежал на старой полутороспальной кровати.

В комнате царила тишина.

Отхватившая по лицу истеричка смирно сидела на табуретке и широко раскрытыми глазами смотрела себе под ноги. Будто этим ударом дед нащупал у неё выключатель и перевёл в энергосберегающий режим.

Я встал у подоконника.

Чуть приоткрыл штору и через образовавшуюся щель посмотрел вниз.

Твари всё ещё были там.

Остальное время я наблюдал за ними.

За тем, как они двигались. Как реагировали на звуки. Как подходили к дому. Как долго могли стоять на одном месте. Что заставляло их менять направление.

Я должен был изучить их как можно лучше.

Это было ключом.

Пока я не понимал, что именно ими двигало, невозможно

было понять, что делать дальше.

Поэтому я просто сидел и смотрел.

За окном простирается огромное, почти чистое поле.

Высокая трава медленно колышется от ветра. На первый взгляд оно даже кажется спокойным. Почти мирным.

Но стоит присмотреться, и спокойствие исчезает.

Трава во многих местах примята. Где-то широкими полосами — здесь люди бежали. Кто-то в одну сторону, кто-то обратно. Где-то видны целые дорожки из вытоптанной травы, которые внезапно обрываются.

А кое-где земля выглядит совсем иначе.

Там трава буквально вдавлена в землю, перемешана с грязью и залита тёмной, уже густеющей кровью.

Это места, где людей догнали.

Я не знаю, сколько их здесь лежит. С некоторых мест тела уже почти не видно. Остались только отдельные части, торчащие из травы.

И над некоторыми из них твари всё ещё возятся.

Их видно издалека.

Только головы, которые резко дёргаются вверх-вниз, и руки, то появляющиеся над телом, то снова исчезающие в траве.

Они едят.

Некоторые уже почти закончили. Некоторые всё ещё рвут мясо, будто боятся, что оно куда-то исчезнет.

Я перевожу взгляд ближе к дому.

Там хорошо видно тело старушки.

Та самая, которую мужик толкнул у входа.

Она так и осталась лежать там.

Особенно отчётливо видны две целые ноги и раскрытая грудная клетка. За бордовым плотным слоем крови, читаются очертания лица. Всё остальное превратилось в бесформенное красное месиво.

Похоже на мешок с мясом, который кто-то вывернул наружу и бросил прямо на землю.

Я заставляю себя не отводить взгляд.

Если хочу понять их, нужно смотреть.

У дома сейчас около пятнадцати тварей.

Я начинаю различать их даже по отдельности.

Мужчины. Женщины. Разный рост, разное телосложение. Когда-то на них была одежда, но теперь это просто грязные и разорванные лохмотья. Некоторые выглядят так, будто их несколько дней таскали по болоту.

Они крутятся возле входа.

Кто-то стоит почти вплотную к двери.

Кто-то отходит на несколько метров, бесцельно бродит, потом возвращается.

Несколько раз замечаю странное движение.

Одна из тварей вдруг резко щёлкает зубами.

Просто стоит и щёлкает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.